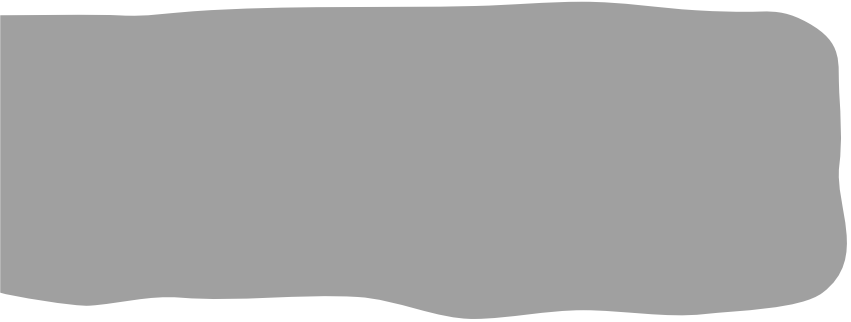

О СЕБЕ

Конечно, мне не слишком-то нравится, что меня именуют одним из старейших писателей. Но ничего не поделаешь: я пишу и печатаюсь шестьдесят три года. Помню Куприна молодым человеком, еще до того, как он написал «Поединок», и юного Блока в студенческой нарядной тулупе. И мне самому удивительно, что я все еще не бросаю пера. Но не могу и представить себе, как бы я прожил хоть несколько дней без него.

Я родился в Петербурге в 1882 году, после чего мой отец, петербургский студент, покинул мою мать, крестьянку Полтавской губернии; и она с двумя детьми переехала на житье в Одессу. Вероятно, отец давал ей вначале какие-то деньги на воспитание детей: меня отдали в одесскую гимназию, из пятого класса которой я был несправедливо исключен.

Перепробовав много профессий, я с 1901 года стал печататься в «Одесских новостях», писал главным образом статейки о выставках картин и о книгах. Иногда — очень редко — стихи.

В 1903 году газета послала меня корреспондентом в Лондон. Корреспондентом я оказался из рук вон плохим: вместо того чтобы посещать заседания парламента и слушать там речи о высокой политике, я целые дни про-

водил в библиотеке Британского музея, читал Карлейля, Маколея, Хэзлитта, де-Куинси, Мэтью Арнолда. Очень увлекался Робертом Браунингом, Россетти и Суинберном. (Английский язык я изучил самоучкой.)

Газета перестала печатать мои письма из Лондона, далекие от злободневной тематики; ими заинтересовался Валерий Брюсов и пригласил меня в свой журнал «Весы», где я начал усердно сотрудничать.

Вернувшись в Россию, я пережил в Одессе дни броненосца «Потемкина», побывал на мятежном корабле и познакомился со многими повстанцами.

Настроения боевого подъема, которыми в те дни жила Россия, естественно, захватили меня, и поэтому, приехав в Петербург, я, под влиянием революционных событий, затеял издание сатирического журнала «Сигнал». К сотрудничеству в журнале привлек Куприна, Сологуба, Тэффи, Чюмину, Дымова, Вл. Тихонова и многих других.

После четвертого номера я был посажен в тюрьму и отдан под суд «за оскорбление величества», «царствующего дома» и т. д. Защищал меня при закрытых дверях знаменитый адвокат О. О. Грузенберг и добился моего оправдания.

Сидя в «предварилке», я стал переводить Уолта Уитмена, которым горячо увлекался.

В 1907 году мои переводы вышли отдельной книжкой в издательстве «Кружок молодых» при Петербургском университете. Переводы были слабы, но книжка имела огромный успех, так как поэзия Уитмена вполне гармонировала с тогдашними литературными веяниями.

В том же году вышла в свет моя новая (тоже незрелая!) книжка — критические очерки «От Чехова до наших дней».

Книжка разошлась очень быстро, и в течение той же зимы потребовалось новое издание, а еще через год вышло

третье. Проработав больше года в мелкой прессе (худшая полоса моей писательской жизни), я сделался сотрудником «Нивы», «Речи», «Русской мысли», где поместил критические статьи о Гаршине, Федоре Сологубе, Леониде Андрееве, Куприне, Сергееве-Ценском, Борисе Зайцеве, Алексее Ремизове, впоследствии собранные в двух моих книгах — «Лица и маски» и «Книга о современных писателях», вышедших в 1914 году в издательстве «Шиповник».

Еще в конце 1906 года я переехал в финское местечко Куоккалу, где сблизился с И. Е. Репиным. Я горячо любил Илью Ефимовича, часто позировал ему для его картин и в течение нескольких лет редактировал его мемуары, часть которых он написал по моему настоянию. Эти мемуары, названные Репиным «Далекое близкое», впервые вышли в Москве лишь в 1937 году.

Там же, в Куоккале, познакомился я с В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненским. Бывали месяцы, когда я посещал их почти ежедневно. К этому времени у меня появилось немало друзей и знакомых в литературно-художественном мире: я близко узнал Алексея Толстого, Леонида Андреева, Н. Н. Евреинова, Аркадия Аверченко, Тэффи, Минского, Александра Бенуа, Кустодиева, Добужинского, Шаляпина, Коммиссаржевскую¹, Яворскую, Собинова, — и нашел истинного друга в лице академика Анатолия Федоровича Кони.

К этому же периоду относится мое первое увлечение детской словесностью.

Мои статьи, посвященные ей, собраны в книжке «Матерям о детских журналах» (1911). Тогда же я составил для «Ши-

¹ Чуковский в написании фамилии следует дореволюционным правилам орфографии. После 1930-х годов традиционным стало написание Коммиссаржевская. — *Прим. изд.*

повника» сборник «Жар-птица», где сделал попытку завербовать для служения детям лучших писателей и художников.

В 1916 году А. М. Горький, возглавлявший издательство «Парус», задумал наладить в нем детский отдел и пригласил для этой цели меня. Под его руководством я составил сборник «Елка» и написал свою первую детскую сказку «Крокодил». Издательство вскоре распалось, и я перекочевал со своим «Крокодилом» в «Ниву», которая в 1917 году стала давать особое приложение «Для детей» — под моей редакцией. «Крокодил» с первых же дней своего появления в печати полюбился малолетним читателям.

И все же я испытывал в те времена острое недовольство собой и своей литературной работой.

Мне была невыносима ее пестрота, ее раздробленность, ее легковесность. Мне хотелось отдать свои силы одной сосредоточенной многолетней работе. Об этом у меня был откровенный разговор с В. Г. Короленко. Короленко посоветовал мне не растрачивать себя по мелочам, а засесть за большой основательный труд о Некрасове, так как Некрасов с самого раннего детства был мой любимый поэт. Я стал пристально изучать его жизнь и творчество. И тут обнаружилась позорная вещь: оказалось, что через сорок лет после смерти поэта его стихи все еще продолжают печататься в исковерканном виде. Никаких комментариев к ним не было, и даже даты были сильно перепутаны. Кроме того, оказалось, что десятки наиболее ярких революционных стихов, изъятых старинной цензурой, все еще остаются под спудом и не могут дойти до читателей.

Началась борьба за освобождение поэта от самоуправной цензуры.

Чтобы установить канонический некрасовский текст, я стал разыскивать в разных местах подлинные руко-

писи стихотворений Некрасова: посетил вдову поэта Зинаиду Николаевну, свел близкое знакомство с двумя его побочными сестрами, а также с дочерью Авдотьи Панаевой, и мало-помалу у меня собралось изрядное количество некрасовских рукописей. Кое-что подарил мне историк В. Богучарский, кое-что сообщил в достоверных копиях Н. Ф. Анненский.

Я опубликовал собранные мною тексты в газетах.

И тогда в моей жизни случилось большое событие. Академик А. Ф. Кони, обладавший огромным фондом некрасовских рукописей, прочел мои газетные статьи о Некрасове и решил предоставить мне хранившиеся у него материалы. Количество рукописей было так велико, что мне потребовалось несколько лет для исследовательской работы над ними. Достаточно сказать, что здесь находились черновые и беловые рукописи поэмы «Кому на Руси жить хорошо», рукопись поэмы «Княгиня Волконская», черновики сатиры «Современники» и т. д., и т. д.

Когда я изучил всю эту гряду некрасовских рукописей, я обратился к родственникам поэта с предложением включить в издаваемое ими «полное» собрание стихотворений Некрасова около пяти тысяч новых стихов. Но они и слышать не хотели о каком бы то ни было изменении текстов. Только революция освободила поэзию Некрасова от зловредной опеки его корыстных наследников.

В 1918 году я показал А. В. Луначарскому имеющиеся у меня рукописи Некрасова и при его поддержке стал готовить к печати первое советское собрание стихотворений Некрасова. И здесь меня постигла неудача: хотя я включил в это издание множество новых текстов, найденных мною и другими исследователями, главным обра-

зом В. Е. Евгеньевым-Максимовым, хотя в смысле полноты новое издание значительно превосходило все предыдущие, — к сожалению, я еще не овладел научными методами, необходимыми для подобной работы. Эти изъязны стали для меня очевидны, едва только издание вышло в свет. Они очень огорчили меня, и для того, чтобы их устранить, я тотчас же стал работать над новым изданием, поставив себе задачу, почти непосильную для одного человека, — окончательно выработать канонический текст, свободный от цензурных искажений, и дать научный историко-литературный и текстологический комментарий к каждому стихотворению Некрасова.

Большим поощрением в этой работе был для меня положительный отзыв В. И. Ленина о первом издании книги, сообщенный мне А. М. Горьким и В. В. Воровским. Впоследствии Горький процитировал этот отзыв в «Правде» (14 марта 1928 г.).

Шесть лет я трудился над новым изданием Некрасова в книгохранилищах Москвы и Ленинграда. Самый процесс этой кропотливой работы дал мне глубокое душевное удовлетворение. Было приятно уйти от суетливой и пестрой газетно-журнальной поденщины к научной сосредоточенной деятельности. Я был воистину счастлив, что могу дать советским читателям освобожденные от многолетних искажений подлинные тексты Некрасова. Работа была неблагодарная, незаметная, трудоемкая, но это-то и привлекало меня к ней. Один реальный комментарий к поэме «Кому на Руси жить хорошо» отнял у меня около полугода. Чтобы прокомментировать сатиру «Современники» и разъяснить содержащиеся в ней намеки на тогдашних финансовых деятелей, я должен был целые месяцы изучать биржу семидесятых годов.

Закончив главный труд своей жизни — полное собрание стихотворений Некрасова (1926), научно прокомментированное, исцеленное от ран и увечий, нанесенных им царской цензурой, я написал ряд историко-литературных этюдов, связанных с эпохой Некрасова. Эти этюды — «Лев Толстой и Дружинин», «Неизвестный Петров», «Жизнь и смерть Николая Успенского», «Василий Слепцов» и др. — вошли в мою книгу «Люди и книги шестидесятых годов».

Плодами детального изучения этой эпохи были также два «Некрасовских сборника», том неизвестных произведений Некрасова с моими вступлениями к каждой находке, изданный под заглавием «Тонкий человек», и десятки статей о поэте в «Правде», «Известиях», «Литературном критике», «Знамени», «Известиях Академии наук СССР».

Тогда же я закончил свой давно задуманный труд — книгу «Некрасов», которая вышла в издательстве «Кубуч» в 1926 году (второе издание — в «Федерации» в 1930 г.). Недавно я перечитал эту старинную книгу. Многое в ней спорно, кое-что опрометчиво, но ее основная цель — смыть с Некрасова «хрестоматийный глянец», представить его читателям не как абстрактного носителя таких-то и таких-то идей, а как близкого, живого человека, была, мне кажется, в некоторой мере достигнута.

Среди других волновавших меня всю жизнь литературных вопросов была проблема художественного перевода. Она интересовала меня с юных лет. Еще в «Весах» я писал о переводах Шелли и Уитмена. В 1918 году А. М. Горький организовал в Петрограде издательство «Всемирная литература» и предложил мне возглавить англо-американский отдел этого издательства. Во времена «Всемирной литературы» интерес к теории и практике художественного пере-

вода сильно возрос. Так как СССР — страна разноязычных народов, стремящихся к постоянному обмену духовными ценностями, мастерство перевода стало играть у нас особую роль. Пытаясь установить, каковы современные методы этого мастерства, я написал (по желанию А. М. Горького) сперва брошюру, а потом и книгу, посвященную искусству перевода, которую исправлял и дополнял от издания к изданию. В 1941 году книга вышла под заглавием «Высокое искусство», а теперь, через двадцать с лишним лет, я снова переработал ее на основе новых материалов. Тема эта дорога мне и нынче, отчасти оттого, что я и сам переводчик: перевел «Листья травы» и «Демократические дали» Уолта Уитмена, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, «Робинзона Крузо» Дефо, «Живчеловека» Честертона, «Королей и капусту» О. Генри и др.

Есть у меня и еще одна тема, проходящая через всю мою жизнь: психика малых детей, их титаническая работа по овладению — в такие сказочно короткие сроки — сложившимися формами родительской и прародительской речи.

Эта тема воплотилась в моей книге «От двух до пяти», которая, конечно, никогда не была бы написана, если бы у меня не было четверых детей, а теперь уже и пятерых внуков и пятерых правнуков и если бы общение с детьми — своими или чужими — не было моим любимейшим отдыхом. Книга эта выдержала семнадцать изданий, и для каждого нового издания я исправлял и расширял ее текст, так как все это время ко мне шли непрерывным потоком тысячи и тысячи писем от воспитателей, матерей и отцов, сообщавших мне свои наблюдения над детьми¹.

¹ При жизни автора было 20 изданий «От двух до пяти», 21-е вышло посмертно (1970), с авторской корректурой. — *Сост.*

Незадолго до этого я написал для детей (вслед за «Крокодилом») «Мойдодыра», «Муху-Цокотуху», «Тараканище», «Доктора Айболита» и другие сказки в стихах. Сказки эти появились впервые в печати в самом начале двадцатых годов и вызвали жестокие нападки рапповцев, пролеткультовцев, педологов. Мне и в голову тогда не приходило, что когда-нибудь эти гонимые сказки будут печататься миллионами экземпляров и выдержат многие десятки изданий и что я доживу до поры, когда те дети, для которых эти сказки написаны, превратятся в седых стариков и будут читать их своим внукам и правнукам.

Все другие мои сочинения до такой степени заслонены моими детскими сказками, что в представлении многих читателей я, кроме «Мойдодыров» и «Мух-Цокотух», вообще ничего не писал.

Когда началась война, я вместе с Евг. Петровым и А. Н. Афиногеновым стал работать в англо-американском отделе Совинформбюро и в течение первых месяцев войны писал для этого отдела статьи.

После окончания войны я опять отдался излюбленным темам. Написал новую книгу — «Мастерство Некрасова», проредактировал двенадцатитомное собрание его сочинений, закончил первый том своих воспоминаний: о Горьком, Короленко, Куприне, Леониде Андрееве, Блоке, Луначарском, Маяковском и др. («Современники»), опубликовал книжку о языке «Живой как жизнь» и, поглощенный этой увлекательной работой, не заметил, как подкрался ко мне 1962 год и мне исполнилось восемьдесят лет. Дата, конечно, не очень веселая. Но словно для того, чтобы хоть отчасти утешить меня, этот год послал мне нечаянную радость: книга моя «Мастерство Некрасова» была удостоена Ленинской премии.

В этом же году Оксфордский университет присудил мне почетное звание доктора литературы. Для получения этого звания я был приглашен в Англию — через шестьдесят лет после моего пребывания в этой стране — и с большим удовольствием провел там весь май среди новых — милых и радушных — друзей.

Оглядываясь на свой долгий писательский путь, я нахожу на нем немало ошибок, неверных шагов и провалов. Но одна черта в некоторой мере искупает мои недостатки: абсолютная искренность. В качестве критика я, если бы даже хотел, не умел бы написать о том или ином литературном явлении хоть одно неправдивое слово.

В писательской работе меня больше всего увлекает радость изобретения, открытия. Эту радость я впервые почувствовал, когда сочинял свои сказки, форма которых, уже не говоря о сюжетах, была в нашей литературе нова.

Точно так же я не стал бы писать свои книги «Высокое искусство» или «От двух до пяти», если бы меня не окрыляла уверенность, что у нас еще не было книг на подобные темы и что я таким образом иду по непроторенной дороге. И разве отдал бы я сорок лет своей жизни изучению Некрасова, если бы не сознание, что мне предстоит разрушить застарелые, рутинные представления о нем? Этим чувством преодоления многолетней инерции, жадной бороться за новое понимание Некрасова продиктованы мои книги «Некрасов как художник», «Мастерство Некрасова» и другие работы, включая сюда комментарии ко многим стихотворениям поэта в двенадцатитомном собрании его сочинений. Свою до сих пор не законченную книгу о Чехове я стал писать по такой же причине: Чехов, как и Некрасов, был одним из наиболее оболганных русских